

Александр
Герцен

ПИСЬМА
ИЗ ФРАНЦИИ
И ИТАЛИИ

УДК 82-6
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г41

Герцен, А.

Г41 Письма из Франции и Италии / А. Герцен. – М.: T8RUGRAM.
– 412 с.

ISBN 978-5-519-66484-4

Александр Иванович Герцен (1812–1870) – публицист, писатель, философ XIX века, либерал, сторонник революционных преобразований, один из виднейших критиков официальной идеологии и политики Российской империи.

Письма из Франции и Италии» – уникальное произведение эпистолярного жанра, написанное автором после его жизни в Европе, участия в народных шествиях и манифестациях, посещения революционных клубов и знакомств с видными деятелями национально-освободительного движения. Герцен анализирует события и настроения, волновавшие Европу в 1847–1852 годах, отрицает западноевропейскую буржуазию, её мораль и общественные принципы, опираясь на истинную веру в грядущее значение «четвёртого сословия».

УДК 82-6
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	5
Письмо первое	13
Письмо второе	27
Письмо третье	41
Письмо четвертое	55
Письмо пятое	67
Письмо шестое	89
Письмо седьмое	107
Письмо восьмое	121
Письмо девятое	131
Письмо десятое	153
Письмо одиннадцатое	177
Письмо двенадцатое	189
Письмо тринадцатое	199
Письмо четырнадцатое	209
Приложение	217
Другие редакции	223
Письма с <i>via del corso</i>	243
Опять в парижке	315

ОТ АВТОРА

Может, я не вовремя издаю мои старые письма об Италии и Франции.

Я издаю их потому, что у меня много досугу. Русскому нечего теперь здесь говорить и нельзя. Война пьянит, кровь невинных подымается багровым туманом и не позволяет просто смотреть. Скрепя сердце приношу я на жертву войне свободную речь, которую купил дорогой ценой изгнания и потери.

Я молчу, потому что не хочу смешивать петербургское правительство с русским народом. Я никогда не скрывал моей ненависти к первому и никогда не скрою моей любви ко второму.

Мои брошюры, статьи в журнале Прудона, мои письма к Маццини и к Мишле были приняты с живым участием радикальною прессой в Европе и в Северной Америке. Я сделал опыт продолжать ту же речь в начале нынешнего года¹ и заслужил вопль негодования, грязь неблагородных обвинений и подлых намеков. Им теперь не до правды; до поры до времени надобно молчать или говорить о другом.

Письма эти не имеют прямого отношения к настоящим событиям. Они остались как были писаны (1847—1852), я только выбросил некоторые подробности, скучные теперь, но не коснулся ни до тона, ни до сущности.

Писавши эти письма под шум и гром событий, я часто увлекался, но был откровенен — за это я ручаюсь и потому думаю, что они не будут лишены для русских читателей той занимательности, которую имели в Германии².

¹ «Letters to W. Linton Esq.». В его журнале «The English Republic» — в первых книжках 1854.

² Четыре первых письма были напечатаны в «Современнике» за 1847 под заглавием «Письма из Avenue Marigny», — разумеется, что красный призрак цензурных чернил постоянно был у меня перед глазами, когда я их писал. Следующие семь были изданы в начале 1850 г. в Гамбурге Гофманом и Кампе («Briefe aus Italien und Frankreich v. einem Russen»). Остальные письма не были в печати. Мне предла-

Твикнем, 9 ноября 1854 г. Письма эти — врасплох остановленные и наскоро закрепленные впечатления времени, не бог знает как давно прошедшего, но преданию о котором уже «верится с трудом». Может, поэтому они и имеют для меня особую цену.

В них первая встреча с Европой, веселая сначала, — да и как же было не веселиться, вырвавшись из николаевской России, после двух ссылок и *одного* полицейского надзора! Веселый тон писем скоро тускнет — начинается злоеющее раздумие и патологический разбор. Пестрые декорации конституционной Франции ненадолго могли скрыть внутреннюю болезнь, глубоко разъедавшую ее. Чем пристальнее я всматривался, тем яснее видел, что Францию может воскресить только коренной экономической переворот — 93 год социализма. Но где силы на него?.. где люди?.. а пуще всего где мозг? С горьким сомнением и нерешенными вопросами покинул я Францию и сразу наткнулся в Италии на первые, светлые дни ее пробуждения... Я шел от одной народной победы к другой — я видел только восторженные лица, ликующие взоры, — вдруг громовой удар 24 февраля, и вслед за ним рассыпались троны — цари пускались в бегство, подобравши порфиру и толкая друг друга по большим дорогам. Иронический дух революции снова привел западного человека на гору, показал ему республику во Франции, баррикады в Вене, Италию в Ломбардии — и снова столкнул его в тюрьму, где ему за дерзкий сон прибавили новый обруч. Я слышал, как его заклепывали, — и опять письма мои, отразившие увлечение 1848, становятся мрачны, и этот мрак растет и растет до тех пор, пока 2 декабря 1851 года вырывает крик «Vive la mort!»¹ Когда последняя надежда исчезла, когда оставалось самоотверженно склонить голову и молча принимать довершающие удары как последствия страшных событий, вместо отчаяния — в груди моей возврати-

гали их поместить в журнале *французских* изгнанников в Англии, я писал даже об этом письмо к редактору (см. «L'Homme», 22 февраля 1854) — но отложил, не желая ничем вызывать на новую полемику.

¹ «Да здравствует смерть!» (*франц.*).

лась юная вера тридцатых годов, и я с упованием и любовью обернулся назад.

Таким образом эти письма вместе с книжкой, изданной мною в Швейцарии («Vom andern Ufer»), составляют целый цикл моего путешествия, мою странническую «Одиссею». Начавши с крика радости при переезде через границу, я окончил моим духовным возвращением на родину.

Вера в Россию — спасла меня на краю нравственной гибели.

Веровать теперь в развитие России неудивительно, когда Николай в Петропавловской крепости, да и там под спудом, — а его преемник *освобождает крестьян*. Тогда было не так. Но в самый темный час холодной и неприветной ночи, стоя среди падшего и разваливающегося мира и вслушиваясь в ужасы, которые делались у нас, внутренний голос говорил все громче и громче, что не все еще для нас погибло, — и я снова повторял гётевский стих, который мы так часто повторяли юношами: «Nein, es sind keine leere Träume!»¹

За эту веру в нее, за это исцеление ею — благодарю я мою родину. Увидимся ли, нет ли — но чувство любви к ней проводит меня до могилы.

Прием этих писем, напечатанных долею в «Современнике» («Письма из Avenue Marigny»), долею в немецком издании («Briefe aus Frankreich und Italien», Hoffmann und Campe) и потом по-русски в нашей типографии, был розен: рядом с горячим сочувствием они встретили сильных порицателей. Русские возражения и упреки сводятся на три главные пункта: зачем я, смеясь, говорю об Европе, зачем я разрушаю веру в нее, зачем проповедую социализм, который пугает и до которого *теперь* в России дела нет.

На два первые замечания я уже отвечал, и не один раз², на третье скажу несколько слов. Оно меня всего больше поражает своим нерусским характером: у нас прежде не было этой хозяй-

¹ «Нет, это не пустые мечты!» (нем.).

² В конце V «Письма», в письме к Риберолу, в «Западных арабесках», в «Новой вариации на старую тему».

ственной расчетливости, этой нравственной гигиены, которая бы боялась истины, потому что до нее не дошел черед, потому что ее невыгодно говорить. Если у нас молчали о многом — то это просто оттого, что запрещали говорить. Нам не к лицу эта старческая воздержность, ни эта хитрая дипломатия. Мы проще, мы здоровее, больничная разборчивость пищи нам нейдет; мы не адвокаты, не мещане — зачем же нам, как только опустили немного поводья, самим закупаться на мартинигал и обречь себя на диету, предписанную худосочным старикам?

У нас, может быть, и образуется теперь слегка либеральная, парная оппозиция — она даже будет не без пользы для нравов, чтоб обчистить помещичью грязь и кавалерийскую солому, занесенную из конюшен во все жизненные отношения. Мы должны пройти в нашей *школе истории* и через этот *класс* — но рядом с другими. Многосторонность наша великое дело — замена, выкуп горького, бедного прошедшего — не будем же по Оригену сами себя уродовать, чтоб не согрешить.

К тому же вопрос социальный совсем не так далек от нас, как думают, мы середь него. Освобождение крестьян с землею — начало великого экономического переворота, в который Россия вступает.

Экономического или социального? — Это уже решайте сами.

А я пока вам расскажу анекдот, слышанный мною от Н. А. Полевого в те времена, когда он смеялся в «Телеграфе» и вовсе не плакал с Парашей Сибирячкой. Какой-то сиделец, начетчик газет и патриот, будто бы спросил раз его: «Позвольте осведомиться: храбрый генерал-майор Кульнев пал на поле брани или на поле чести?» — Я не помню, что отвечал Полевой, но я бы ему очень учтиво сказал: «А вам что приятнее?» — и утешил бы его, подтвердив его мнение.

Запад находится совсем в другом положении относительно коренного *экономического* переворота, чем мы. Наша боязнь — подражание, чувство заимствованное, лунное и потому неоправданное, не истинное.

Современное государственное состояние Европы — гавань, до которой она достигла трудным плаванием, путем сложным, а

fur et à mesure¹, забегая и отставая. Оно не представляет стройно выработанный быт, а быт, туго сложившийся по возможностям; оседая, он захватил в себя величайшие противоречия, исторические привычки и теоретические идеалы, обломки античных капителей, церковных утварей, топоры ликторов, рыцарские копья, доски временных балаганов, клочья царских одежд и скрижали законов во имя свободы, равенства и братства.

Внизу *средние века* народных масс, над ними вольноотпущенные горожане, еще выше кондотьеры и философы, попы безумия и попы разума, живые представители всех варварств — от герцога Альбы до Каваньяка — и всех цивилизаций — от Гуго Гроция до Прудона, от Лойолы доBlanки.

«Святой отец прислал по *электрическому телеграфу* свое благословение новорожденному императорскому принцу — через два часа после разрешения императрицы французов».

В этой фразе из газет есть что-то безумное, подумайте об ней, она объяснит лучше всяких комментариев то, что я хочу сказать о Западе.

Может, в будущем и наше развитие спутается, но в отношении к *идее ближнего будущего* мы поставлены свободнее Запада, — воспользуйтесь этим. Долгие битвы и трудно доставшиеся победы связывают его, ограничивают его завоеванным, многое ему дорого, несмотря на то, что оно уже не в пору. Мы ничего не победили, нам нечего отстаивать и нечего держать пограничные крепости на военную ногу. У нас все еще так шатко, неопределенно, насильственно, без нашего спроса, не по нашей мерке... что мы должны радоваться, если чужая одежда рвется, и свободно искать более удобную, где бы она ни нашлась и в чем бы она ни нашлась. Мы в некоторых вопросах потому дальше Европы и свободнее ее, что так отстали от нее; чтоб объяснить это, вот вам пример. Кто не знает, какой огромный шаг сделали народы, перейдя в протестантизм; но в наше время нет стран, в которых бы религиозная нетерпимость больше взошла в нравы, была бы притеснительнее и неизлечимее, как в землях протестантских. Было вре-

¹ Постепенно (*франц.*).

мя, когда их теперичная нравственная неволя была для них освобождением, когда они за свое право скучать по воскресениям и петь псалмы — платили головой. Оттого-то религия вкоренена гораздо прочнее и глубже в Англии, нежели в Италии.

В Италии после революции 1848 делали опыты противодействовать папе каким-то протестантизмом; но Савонаролы XIX столетия проповедовали в пустыне. Нету настолько веры в папу, чтоб неверие в него могло двинуть умы, нету настолько интереса религиозного, чтоб нападение на религию обратило внимание масс. Католицизм — вымрет в Романье¹ вместе с христианством, без всякого протестантизма.

Либералы — эти протестанты в политике — в свою очередь страшнейшие консерваторы, они за переменной хартий и конституций, бледнея, разглядели призрак социализма и перепугались; удивляться нечему, им тоже есть что терять, есть чего бояться. Но мы-то совсем не в этом положении, мы относимся ко всем общественным вопросам гораздо проще и наивнее.

Либералы боятся потерять свободу — у нас нет свободы; они боятся правительственного вмешательства в дела промышленности — правительство у нас и так мешается во все; они боятся утраты личных прав — нам их еще надобно приобретать.

Чрезвычайные противоречия нашей несложившейся жизни, шаткость всех юридических и государственных понятий делает, с одной стороны, возможным самый безграничный деспотизм, крепостное состояние, военные поселения, с другой — обуславливает легкость переворотов Петра I, Александра II. Человек,

¹ И не в одной Романье. Я жил в Пиэмонте, в то время как попы крамольничали против Сиккарди. Король решился наконец арестовать архиерея в Кальяри и выслать его за границу. Народонаселение на острове отсталое, боялись, что оно вступится за своего пастыря, вследствие чего министр и послал две-три роты берсальеров с чиновником, которому поручено арестовать архиерея. Но берсальерам пришлось всю дорогу защищать бедного архипастыря от народного негодованья, от его насмешек, сопровождаемых иной раз камнями.